

удовольствоваться мыслью автора, то намъ естественно ждать отъ него указаній, какія средства слѣдуетъ принять, чтобы возбудить переселенческое движеніе и сдѣлать азіатскія пустыни привлекательными для колониста. Однако, мы у него этого не находимъ, ибо какъ ни далеко ушелъ авторъ отъ дѣйствительной жизни, онъ все-таки не можетъ не видѣть того сильнаго стремленія къ переселенію, какое обнаруживаетъ нашъ народъ. Даже больше — не будь этого стремленія, авторъ не написалъ бы и своей книги. Затѣмъ, я думаю, онъ не станетъ отрицать и того, что, стремясь на востокъ, русскій мужикъ руководствуется чѣмъ-нибудь болѣе ему близкимъ, нежели задачи исторіи и достоинство его государства. А если такъ, то отсюда прямо вытекаетъ обязанность изслѣдовать внутреннія причины переселеній или согласиться съ тѣмъ освѣщеніемъ вопроса, какое сдѣлано другими изслѣдователями. Такъ бы и поступилъ чело-вѣкъ, признающій, что нельзя построить цѣлесообразнаго плана дѣйствій, не изучивъ предварительно почву и орудій, которыми придется оперировать. Но г. Уманецъ, повидимому, держится на этотъ счетъ другого мнѣнія, и потому, вмѣсто систематическаго изложенія своихъ взглядовъ на внутреннія причины переселенія, онъ даетъ намъ обломки, разбросанные тамъ и здѣсь. Въ главѣ IX, напр., онъ доказываетъ нераціональность „филантропическаго“, какъ онъ называетъ, взгляда на оброчныя государственныя земли, какъ на имѣющія назначеніемъ обезпеченіе неимущихъ классовъ или будущихъ поколѣній, и противопоставляетъ ему коммерческую точку зрѣнія, по которой эти земли должны быть проданы по возможности дороже, слѣдовательно съ торговъ и небольшими участками. Въ главѣ IX, занимаясь вопросомъ о помощи переселеніямъ со стороны земства, г. Уманецъ доходитъ почти до отрицанія существованія серьезныхъ внутреннихъ причинъ переселеній. Онъ удивляется заботамъ нѣкоторыхъ земствъ о выселеніи безземельныхъ крестьянъ; по его мнѣнію, земство отъ такого переселенія не выиграетъ, а проиграетъ. „Населеніе,—говоритъ онъ,—еще нигдѣ не достигло у насъ такой густоты, когда при нормальномъ положеніи рынка остаются свободныя руки; промышленность нигдѣ не достигла своего maximum'a, при которомъ часть рабочихъ остается „за штатомъ“; природныхъ силъ у насъ вездѣ непочатый уголь; мѣстная производительность вездѣ можетъ быть удвоена и утроена; рабочій пролетаріатъ нигдѣ не занимаетъ выдающагося положенія“. Указываютъ на мѣстности съ 25—30% безъ-и малоземельныхъ крестьянъ, какъ на случаи, когда переселеніе было бы вполне умѣстно. Но что-же доказываетъ это малоземелье?—вопрошаетъ авторъ,—„Мало ли людей, недурно устраивающихъ свою судьбу помимо земледѣлія и землевладѣнія?